

СТОЯ ПОСРЕДИ
ДВОРЦОВОЙ ПЛОЩАДИ
ВДРУГ ПОЧУВСТВОВАЛ.

КАК СИЛЬНО ОНА
ПРИВЯЗАНА
К СТОЛПУ,
А К НЕЙ.

РИНАТ ВАЛИУЛЛИН

ВОТ БАБЫ, ВРАТЬ ИМ НЕЛЬЗЯ.
ВСЁ РАВНО ДОГАДАЮТСЯ. ПРАВДУ ГОВОРИТЬ
ТОЖЕ НЕЛЬЗЯ, ВСЮ ДУШУ ВЫМОТАЮТ.

ПРИ-
ВЯЗАННОСТЬ

Ринат Рифович Валиуллин
Привязанность
Серия «Антология любви»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24721911
Привязанность: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-100017-2

Аннотация

«Привязанность» – я вязал этот роман несколько лет (часть книги даже выходила в свет отдельным изданием), то откладывая текст, считая его законченным, то возвращаясь к нему вновь, будто что-то забыл. Сказать. Важное. Слишком глубока тема, слишком знакома каждому из нас, слишком близка, слишком болезненна. Речь не только о привязанности одного человека к другому, к тем, кто нас любит, но еще сильнее – к тем, кто недолюбливает, к деньгам, к вещам, к гаджетам, к месту, к Родине, к привычкам, к дому, к друзьям нашим меньшим, к обществу, к болезням, к работе, к обстоятельствам, к личному, безличному и наличному. Привязанность. Не путать с любовью, дружбой, заботой, великодушием, чтобы в один жуткий день не обнаружить, что привязаны за поводок к столбу.

Ринат Валиуллин

Привязанность

© Р. Валиуллин

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Привязанность – это вам не поводок и даже не веревка, это вязанка дров, которую вы тащите на спине, в надежде развести огонь, но хватит ли его, чтобы согреться...

Мы же словно дворовые собаки, сильнее привязываемся к тем, кто нас недолюбливает. Так и живем, пока в один жуткий день не обнаружим, что привязаны за поводок к столбу.

* * *

Шарль вышел из кинотеатра, достал сигарету и закурил. В Булонском лесу его чувств было спокойно как никогда. Мужественное лицо, пережившее не одно падение нравов, скачков курса душевных акций и обмена валюты ценностей, выражало полное безразличие к этому миру, даже когда рядом проехал грузовик. Это был другой Шарик, который уже никогда не сможет броситься за ним с весёлым лаем выгонять накопившиеся эмоции и гормоны. «Куда всё ушло?» – подумал пёс. Он поправил рыжий меховой воротник чёрного пальто, на котором благородная проседь блестела серебром благополучия, и медленно двинулся в сторону дома. Жизнь, какой бы она ни была собачьей, всё же удалась.

* * *

– Дорогу! Дорогу!

Я поднял глаза, навстречу ко мне двигалась сама весна. Дружно и громко. Зеленая клумба, скорее даже Газон, вдруг сорвавшийся с ручника, сметал с пути застывшее, застоявшееся, ненужное. Зима в виде пуховиков и пальто уступала. Весна шла южными ногами. Средняя Азия толкала тележку, груженную зеленью, которая оставляла после себя све-

жий шлейф укропа, кинзы и тархуна. Весна наступала с Востока, она тонко прорастала во всем и во всех.

Рядом с Кузнечным рынком – особенно плодородно. Как настоящий кузнец, рынок ковал весну, и каждый уходя мог захватить с собой пучок весны, а может быть даже кусок лета. Сунул в пакет зелени, помидоров, клубники и пошел греться.

Здесь, на Владимирской, город звенел буднями вызывающе, базар был тем неутомимым дизелем, от которого люди получали энергию. Говорили все: машины, прохожие, двери, телефоны, деревья, птицы... Все о своем. Эта какофония, изъятая у различных инструментов, создавала впечатление великого хаоса, из которого в конце концов что-то должно было родиться. Гений, благодетель, злодей или беспородная помесь того и другого, в зависимости от настроения. Каждый день город-оркестр играл одну и ту же мелодию: в будни концерт начинался в шесть утра, когда свет еще был привязан к столбам, с наполняющих улицы авто; в выходные музыканты приходили позднее, где-то в девять. Медленно, вальяжно они доставали из чехлов свои инструменты, долго настраивались, чтобы наконец дунуть, создать какой-никакой ветер. Стоило только прислушаться, как звуки – режущие, колющие, шипящие – начинали бить барабанную дробь в мои перепонки. Обрывки чужих разговоров, словно обрывки газет, считывались и пропадали мгновенно.

– А тебе слабо со мной поговорить? По душам. С глазу

на глаз.

Не было бы ничего странного в этой случайно упавшей в мою раковину реплике, ее бы смыло скоро другими, если бы не человек. Всегда забавно смотреть на человека с гарнитурой, который болтает сам с собой, по душам. Монолог – он всегда выглядит искренне.

– Огурцов и помидоров? Хорошо. Что-нибудь еще? Я понял – свежих, – это серое пальто получало рекомендации, видимо, от жены, потому что не заметило лужу и прошло по ней, как посуху. Весна – это время, когда возмнившая себя вода снова становится водой. И только человек остается человеком. Он решителен, он послушен, он непотопляем. Его лакированные туфли, словно рыбки, ныряли и выпрыгивали вновь, пока не пересекли океан. Пример обычного бытового вдохновения. Пример для всех, но не для меня, так как не было у меня никакой жены, кроме бывшей. Я пошел бережком, вслед за двумя дамами, которые еще не прошли в дамки и ходили пешком.

Слух мой уже начал разбор предложений на слова, что несли они с собой, и скоро я мог узнать, чем дышат дамы весной, но в этот момент в симфонию вступила звонница собора, словно кто-то великий начал играть в колокольчик в беспокойных покоях города, с каждым взмахом проникая все глубже в самую душу, вызывая слуг на службу.

От звона воздух стал еще свежее и прозрачнее, захотелось закурить. Делал я это редко, потому что бросил. Бросил, но

не завязал окончательно, как это часто бывает в отношениях. Затягиваешь это дело, словно вредную привычку, травмишься и продолжаешь бросать, словно это доставляет тебе удовольствие.

* * *

Я вышел из магазина, держа в руках пачку сигарет. Остановился возле массивной урны для мусора и стал медленно тянуть за ленточку, на которую была закрыта пачка. Скомкал целлофан и бросил в урну.

Рядом с ней, выискивая чей-то след, одинокий лохматый пес поднял глаза и посмотрел в мои очень трогательно. Как не всякий окулист, прямо на самое дно моих яблок. Его средиземноморские не моргали.

«Курить будешь?» – не знал я, с чего начать знакомство.

«Я не курю», – повела мордой собака.

«Это правильно», – открыл я пачку и достал сигарету. Пес внимательно наблюдал за моими руками.

«Голодный?» – послал я ему мысленно вопрос.

«Спрашиваешь», – ответил он мне короткой эсэмэской.

«Жди здесь», – указал я ему пальцем и снова зашел в магазин.

Пока я стоял в мясном отделе, в голове крутилась собака, которую я когда-то всерьез хотел завести. Я листал справочники по кинологии заранее, чтобы не как после женитьбы, когда мы послесловием изучаем гороскопы, сваливая все на звезды. Сначала моему мягкому характеру выпал спаниель. Оказывается, он, несмотря на всю свою пушистость, лидер по развлечению. Жену, детей, скуку – их надо развлекать постоянно. Так думал я, но спаниель, хоть и нравился мне своими добродушными кучеряшками, никак не встраивался в мою концепцию верного друга.

Я склонялся к сторожевым, все-таки дом, его надо охранять, особенно в мое отсутствие. Овчарку? Она бы напомнила мне соседку. Лабрадора? А где взять столько чувств? На жену-то не хватало, по ее словам. Кавказца, среднеазиат? Слишком популярны, их на каждом углу. Кане-корсо, фила-бразилейро? Этими нужно заниматься серьезно, иначе можно потерять лидерство. Заниматься не было времени. В итоге остался без собаки, а потом и без жены. Договаривались остаться друзьями, но куда там! Кому нужны такие друзья? Ни ей, ни мне.

– Хватит столько? – перебила меня продавщица, поглядывая на весы.

– Да, пожалуй.

– Тифлюнь, тифлюнь, – дергали за связки весенние птички, потом позвонили еще раз: тифлюнь, тифлюнь. Не думай, что это смс-ка с бесполезной рекламой. Открывай, это пришла весна. Все ручейки слез, суеты, эмоций, все стекалось так или иначе в Неву, как стекаются улицы, переулки, дворы, подворотни в Невский. Человечество, граждане, люди, людишки, мысли, помыслы, поступки, подвиги, все стекалось, в эту артерию, достаточно было выйти на набережную. Медленно, но туда же, меня тоже несло к Неве.

Весна – таяли даже самые замороженные. Таяли в Неву, это было заметно, стоило только опустить глаза. Отдохнуть от серого вещества лиц, интересы которых только начинали пробуждаться, лица которых едва-едва начинали примерять улыбку. Внизу бежали ручьи, толкая по воде случайные фантики, веточки, соломинки к планам, мечтам, победам. Вспомнилось детство, когда любой спичечный коробок становился фрегатом в бурных потоках весеннего половодья. Бежишь за ним до тех пор, пока он не врежется в гладь огромной глубокой лужи, в которую уже не полезешь, заругают. Прощай, мечта. Наблюдаешь ее с берега, пока не скроется, а ты побежишь за новой.

Я бросил неприкуренную сигарету в стремнину. Вода подхватила яхту и понесла за собой. Собака, быстро покончив

с сосисками – она заглатывала их сразу по две, кинулась с лаем за моей мечтой. «Так можно и напугать», – не успела пророчески вильнуть хвостом мысль, как судно мое промокло окончательно и зацепилось за берег. «Напугал», – усмеялся я, но тут же заметил, что пес летел отнюдь не за моей мечтой. У него была своя. Подружка ждала его метрах в пятидесяти и уже виляла хвостом. «Какая костлявая. Но, видимо, сахарная косточка, раз кобель ее так лобызал». Тут мой баркас снова сдвинулся с места и пошел к своему морю. Теперь это была уже груженная баржа. Кто ее так нагрузил? Когда? Мою мечту? Я только взглядом за ней. Чем дальше она, тем громче вокруг незнакомые голоса:

– Ты должен смотреть на меня все время.

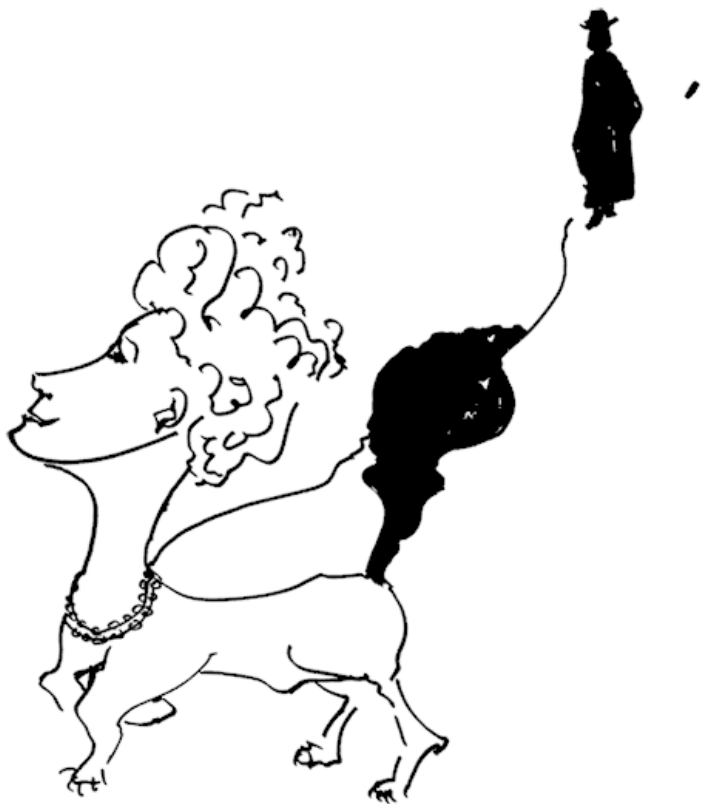
– Я что, исключение? Ты же знаешь, что вечно можно смотреть только на огонь, звезды и работающих людей. На тебя я могу смотреть, когда ты горишь, светишься, в крайнем случае работаешь.

Ты не знаешь их, но знаешь, о чем они. Тут и там голоса других, они вспыхивали, как спички в общем костре. И были на слуху, но недолго, безопасно, не успев разжечь огня интереса к себе.

* * *

«Жрать хочется, да и секс был бы нелишним, – чувствовал Шарик, что в желудке от холодных сосисок осталась только

теплая ностальгия. — Что же все-таки на первом месте: жратва или размножение? Надо Фрейда перечитать. Блин, где же я вчера кость закопал? Так... В этом бачке нашел, потом подрался из-за нее с Тузиком вот здесь. В этом углу я его мутузил! Так, потом побежал в парк, где-то на клумбе у памятника... — рассуждал про себя Шарик. — Здесь у нас кто? Пушкин? — нет, тот был лысый... А, вот он! Узнаю клумбу... О-о-о!» — начал рыть землю Шарик. Когда он уже облизывал кость, к нему подбежала еще одна дворняга:

– Здравствуй, Шарик!

– Привет, Карма. – Поцеловались.

«Чем от нее так несет? Опять она зубы не почистила!» – опустил он голову, чтобы не слышать этого запаха, и двинул лапой вперед кость. – Грызть будешь? У меня тут говядина, прошу к столу! Что ты нос воротишь? Кость-то совсем свежая, я ее вчера нашел.

– Ты такой гостеприимный, Шарик. Больше ничего нет?

– Только воспоминания. Какой-то добряк приезжий купил мне полкило говяжих сарделек.

– Прямо полкило? – облизнулась Карма.

– Не меньше, – приблизился к ней Шарик.

«Поздно, – подумал он про себя, понюхав у Кармы под хвостом. – Зря только косточку потратил... ну, ладно, как-нибудь в другой раз... вот бабы, знают же, что продолжения не будет, но от ужина никогда не откажутся».

Женщины всегда делились для него на три большие группы: первые – доверчивые, которые жили верой в светлое будущее, вторые – что уже потеряли веру и довольствовались надеждой, в третью группу входили те, что любили, любили его. Входили и выходили. Торча в своем одиночестве, он упорно делил их на группы, не отдавая отчета себе в том, что делиться и размножаться совсем не одно и то же. Шарик оставил Карму за столом и побежал дальше, на поиски еды.

«Где бы мне пожрать? – перебегали впереди него дорожку мысли. – Куда ты прешь, урод, на своем «Опеле»?! Что ты орешь? Я даже слова такого не знаю – шелудивый. Нет, не надоело еще. И как бы она мне ни надоела, моя жизнь, я сам

разберусь с ней, в крайнем случае терять ее под твоим ко-
рытом точно не хотелось бы. Разуи глаза! Не видишь, зеле-
ный мне горит! – продолжал рычать про себя Шарик. – Мо-
жет, к Мухе? У нее всегда была заначка. Так трудно бегать на
голодный желудок, старею, что ли? Да нет, показалось...» –
прибавил он ходу.

– Шарик! – бросилась на грудь ему мохнатая рыжая сука.

– Муха, привет! (поцеловались) «И от тебя, как от Кар-
мы, несет, вчера в одной помойке рылись, что ли?» – про-
молчал Шарик. – Есть че пожрать, а то я на этой неделе не
завтракал... Слушай, давай потом эти игры, – отстранился
он от Мухиной привязанности. – Дай сначала червячка за-
морить...

– Макароны будешь?

– Да, сойдет! А соус есть? – набросился пес на еду. – Кста-
ти, ты не знаешь, что такое шелудивый? – при виде соуса
вспомнил красную морду водителя «Опеля» Шарик.

– Шелудивый? Не, не знаю, мне кажется, от слова див-
ный, – блеснула филологическая искра в голове Мухи.

– А вот мне так не показалось, хотя я не против, – метал
макароны Шарик.

– Мне все время говорят, что я хорошо сохранилась, –
умилялась его аппетитом Муха. В душе она все же мечта-
ла, чтобы он так же набросился на нее. – Как ты думаешь –
льстят?

– А они как выглядят? – не отрывался Шарик от миски,

которая в свою очередь делала его голос еще более проникновенным.

– Тебе честно сказать?

– Нет, честно скажи им. Тогда ты точно узнаешь, льстят или нет.

– А ты где сейчас живешь? – продолжала вертеть перед ним хвостом Муха.

– В бочке из-под коньяка.

– Я смотрю, выдержанный стал, помудрел, что ли?

– Ага, как Диоген.

– Кто это?

– Древнегреческий философ, который жил в бочке.

– Значит, ты не одинок.

– Нет, не одинок, там столько ароматов, ведь для коньяка были отобраны лучшие сорта винограда.

– У кого?

– Думай, что говоришь.

– Зачем мне думать, когда хочется просто поговорить.

– С тобой невозможно, Муха. Дай поесть спокойно, – не отрывая морду от тарелки, повернулся к ней задом Шарик.

– Да ешь, кто тебе не дает.

«Кто мне только не дает. Но все не то, все не то», – про себя пробурчал Шарик.

Муха же ненадолго оставила его в покое и попыталась занять себя чем-нибудь, напевая бархатным голоском: «Как же мне хочется, как же мне хочется вам насолить. Я не злопа-

мятна, это всё одиночество, на которое вы меня обрекли».

– Шарик, я давно хотела тебя спросить.

«Черт! – огрызнулся тот про себя. – Сейчас начнет разводить на чувства. Ну что за дурацкая женская привычка лезть в душу на голодный желудок?!»

– Ты никогда не хотел быть человеком?

– Хотел, конечно, хотел... только расхотел, после того как прочел «Собачье сердце».

– О чем книга? – лениво спросила Муха, всем своим видом демонстрируя равнодушие к литературе.

– О полном распаде иллюзий. После этой книги вижу один и тот же сон.

– И что там? – заинтересовалась Муха.

– Кот.

– Кот? – чихнула Муха.

– Ты не простыла? – сверкнули заботой зрачки Шарика.

– Нет, у меня на кошек аллергия.

– А кот не простой, говорящий, – убрал последнюю макаронину Шарик, облизнулся и положил морду рядом с миской.

– И с кем же он говорит? – еще раз чихнула Муха и виновато зажмурилась.

– Со своим хозяином.

– А-а, – понимающе завывла Муха, – это значит, что ты, как всякая собака, в поиске хозяина.

– Да, только у этого хозяина моя душа.

– Черт, как все запутано, дай подумать... Значит, в прошлой жизни ты был человеком, а в следующей будешь котом.

– Этого мне только не хватало.

– Да, нежности тебе всегда не хватало.

– Ну, по крайней мере будет повод жить долго, – не слушал ее Шарик. Он закрыл глаза и задремал.

«Какая из жизней работает на этот раз? – думал про себя Шарик. – Если политика ушла в бизнес, старики требуют реставрации, средний класс обнищал, молодежь подседа на алкоголь, наркота изолирует их от подлинных переживаний души и тела. Артисты, художники, писатели – фуфел, культивирующие стёб и цинизм. При низком уровне жизни низок и уровень духа, хотя цинизм – это не плохо, в нем гораздо больше правдивого, чем в демократии, чем в либералах, ставших консерваторами, удерживая власть. Только хочется спросить у них: а что в консервах? – Тушеное мясо рабочей силы, из него можно приготовить любое блюдо, лишь бы хватило водки, люди будут бухать и пахать, на то они и созданы. Уважение – где оно? Хотя бы к себе самому, люди готовы отдаться за несколько сотен, за несколько макаронин, – посмотрел на пустую миску Шарик. – Фигурально, а некоторые даже на полном серьезе готовы. Что же сделало нас скотом, таких чувствительных и разумных? Что?»

Я сидел на двадцатом этаже, в офисе, левой рукой листая картинки в журналах своих конкурентов. Задница моя была встроена в кожаное кресло нашего издательства, правая рука была занята чашкой, голова делом, сердце – пустотой, я пил небольшими глотками кофе, который только что сварила моя секретарша. Неожиданно позвонил кот:

– Тут сосед зашел, просит присмотреть за его зверушками.

– Какими зверушками? – захлопнул я от такого поворота журнал. – Мне тебя с головой хватает. – Кофе вдруг стал горьким.

– Слушай, давай я ему трубку дам, он тебе объяснит все сам.

– Ладно, – обжег я язык кофе, и матерное слово, что болталось на его красном кончике, пробежало вниз по моему телу, словно электричество.

– Извините, не могли бы вы присмотреть за моими, ко мне девушка приезжает.

– А животные дикие?

– Нет, они очень смирные. Да и животными не поворачивается язык их назвать.

– В смысле? Что за восемь зверей? – мял я трубку.

– Восемь маленьких слов. Никаких хлопот, послушные и

не ругательные. Раз в день погулять, раз в день покормить, не больше. Очень быстро растут, сами понимаете, какие могут быть предложения, в моей-то халупе, один кое-как помещаюсь.

– Вы хотели сделать ей предложение?

– Да, только из этих слов вряд ли его сконструируешь.

– А что за слова? – медленно падало во мне напряжение.

– «Как мне все надоело, хочется побыть в одиночестве».

Всего восемь словечек.

– И из этих можно состряпать, при желании. Ну да ладно, ведите.

Трубку снова взял кот:

– Какие будут указания?

– Том, покажи, где им расположиться в квартире. Конец связи.

– Хорошо, – повесил он трубку.

Через мгновение Том наблюдал за шеренгой, которая двигалась стройно в мою квартиру, а сосед все давал консультации:

– Том, только имейте в виду, они путаются порой местами, меняя общий ход мысли. И вот еще что, «одиночество» – оно очень уж капризное, ему нужно особое отношение.

– Думаю, мы разберемся, – пересчитывал их хвостом кот, закрывая дверь.

Он отвел словам угол спальни, те расселись в самом углу ковра.

– Сидеть тихо, не бегать, не прыгать, хозяин придет, прогуляет с вами, – лег он и задремал перед ними.

Три дня прошли бурно, я выходил на улицу с этим детсадом гулять, люди видели «как мне все надоело, хочется побыть в одиночестве» и не лезли в душу. Лишь однажды отказались пойти гулять «все» и «побыть». Я вышел с «как мне в одиночестве надоело, хочется». В этот день ко мне подошла незнакомая девушка, погладила милых зверюшек и меня заодно. Вечером я пригласил ее на свидание, а еще через неделю она переехала к нам с вещами, вся. Слова, как и обещал, забрал одинокий сосед. С девушкой у него, видимо, не заладилось, не обручилось. Позже я встречал бедолагу, что прогуливался с той же фразой: «Как мне все надоело, хочется побыть в одиночестве».

* * *

Отличная была сцена для прогулки по родному городу, в котором давно не был, но чего-то не хватало. Меня. Будто я смотрел на все из партера. Мне захотелось переснять ее еще раз с собою в кадре. Я вернулся к исходной.

Вспомнил, как прилетел вместе с птицами, которые кружились в небе над границей. От птиц в небе всегда веяло ностальгией и неожиданностями. Однажды сумма птиц сложилась в стаю и образовала на небе уравнение с одним неизвестным «Х».

«Куда вы летите?» – захотелось спросить мне их. «Не видишь? Куда мы можем лететь весной?»

«Пора», – решил я уравниение про себя. Стая снова перестроилась в «V», что для них и для меня означало «Возвращение. Домой».

И вот я уже снова шел по знакомым улицам. Мимо Кузнечного рынка, где продают ведрами семеренко и подснежники. Я понюхал цветы – не пахнут. Это был тот самый случай, когда пахло от одного вида. Кругом пахло весной. Весна! Как много в этом звуке бесперспективно отдалось. Круговорот настроений в природе жил по своему сценарию: осень – вянуть, зима – мерзнуть, весна – таять, лето – цвести.

...День был прекрасный, я чувствовал это носом, но никак не мог в это самое «сегодня» попасть. Будто тыкался в великую стену, за которой находился этот лучший день, в те узкие щели, которые пробил солнечный луч, пролезал только нос, только он мог что-то ощущать, остальное тело нет, как в том поверье: тело пройдет в дыру, если пройдет голова, а голова не хотела, не могла, скорее всего не хотела, она жила еще там, где-то, и там ей было хорошо, по крайней мере понятно и спокойно. А день был замечательный.

Срочно нужен был проводник, а еще лучше проводница, которая смогла бы провести в этот день. Которая застелет постель, вовремя разбудит, сварит чай и найдет нужное слово, чтобы воодушевить пусть не на подвиг, хотя бы на поступок. А у тебя будет время ее слушать, то глядя в глаза, то

на букву «V» ее вдохновляющего декольте, то на солнце лимона в чашке, объявляющего рассвет. В ожидании проводника перебивался полупроводниками, довольствовался без неслыханного удовольствия, будто солдат любви на довольствии, во время затяжного похода, обходился сухим пайком.

Нужен был больше, чем приятель, чем друг. Хотя сейчас между ними не было больших отличий. Случай был не тот. Друзья от приятелей отличаются тем, что друзьям звонят, когда что-то случилось, а приятелям – когда хотят, чтобы хоть что-то случилось.

Конечно, ты хочешь, чтобы он, в смысле я, позвонил ей, в смысле тебе, и сказал, что скучает и хочет тебя видеть, слышать, в общем – хочет. Что жизнь его без тебя бесцветна, бессмысленна, безнравственна. Он хочет быть искренним, но последнее вряд ли могло бы тебе понравиться. В общем, он позвонил другой.

* * *

Услышав звук, она открывала не глядя дверь, пускала его, она открывала не ему, а звонку. Как часто мы отвечаем не абоненту, а звонку, будто из уважения к телефону, он же звонит, как можно не ответить. Хуже некуда, когда отношения становятся условным рефлексом, будто входил не он, а звонок. Нас целуют, мы в ответ, нас обнимают, мы расправляем свои руки-крылья. Не то чтобы взлететь, так, не забывать,

что они у нас есть. Объятия.

Когда-то чувства были крепче, их ночь охранял леопард, лежа на полу, слетевший в порыве страсти с плеч хозяйки, укротительницы леопардов. Она любила этот цвет, я нет, я любил ее. Любил. Куда все пропало пропадом? Теперь звонки все реже, все чаще своим ключом, сразу в дверь прошмыгнуть в недра, доставить какое-никакое удовольствие, сначала себе, потом ей, тут же сожрать его вдвоем и на бок, к себе, в свое одиночество. Одиночество – это не проблема, это состояние, оставшееся, когда растрянжирены друзья и близкие.

– Берите, цветы свежие, – увидела мое замешательство хозяйка подснежников.

– А яблоки?

– Яблоки прошлогодние.

– Со свежими цветами, но с прошлогодними яблоками.

Как вам такой мужчина?

– Возьмите только подснежники, только из лесу, – не сдавалась бабуся.

– Вижу, дарить некому.

– Как некому? Вон дама интересная у ларька стоит, скучает, – повела густыми бровями старушка... меня прямо к ней.

Если женщина счастлива – это читается по глазам, если нет – под глазами. Эта была где-то посередине, средних лет, среднего роста, до той самой минуты, пока к ней не подошел молодой человек и не обнял:

– Можно тебя поцеловать?

– А что, уже весна?

– Нет, но почти.

«Весна, как много в этом слове, а что слова – вода, вода, вода, вода. Не обещайте женщине весны, сначала уберите зиму», – забурлило половодье в моей голове.

И только один вопрос читался в ее глазах: «Чувствуешь ли ты то, что я чувствую?» Он ответил объятиями. На улице потеплело. Погода была целовальная.

– Вот, опоздал, меньше надо думать, больше делать, – засмеялась беззубым смехом старушка, уводя взгляд от застывшей в поцелуе парочки. – Увели из-под носа. Бери цветы.

– То, что вам – лишь бы продать, не значит, что мне – лишь бы вручить, – со смехом огрызнулся я.

– Тогда бери яблочки, будешь кусать вместо локтей, – оседлала свою волну «Юмор-FM» бабуля. – Не обижайся. Семеренко – вот что тебе нужно. По лицу вижу.

– Такое же конопатое? Что еще видно?

– Приезжий?

– Да, то есть не совсем.

– Я так и подумала. Еще не акклиматизировался. Может, комната нужна? Недорого. У меня как раз студент съехал. В армию забрали.

– Спасибо, я подумаю.

– А что с цветами?

– Пока не до цветов, я же говорю, дарить некому.

– Ты повторяешься.

– Это вы повторяетесь.

– Ты, главное, дари, а женщина появится. И помни, женщины не любят повторы. Подарки – любят, повторы – нет.

– Некоторые могут и без подарков, – проводил я взглядом парочку, что удалялась обнявшись.

– Так он же местный.

– Ну да, а я что, не местный? – отмахнулся я от бабки и, резко развернувшись, двинулся в сторону площади, с ходу попав одной ногой в лужу. «Весна! И всем, как по команде, течь».

Я стряхивал воду с обуви и слышал, как улыбается старушка. Наконец решительно поднял голову, чтобы продолжить возвращение в город.

* * *

– Ты чего скулишь? – понюхал Шарик незнакомку. – «Из породистых, – сразу определил он, изучая ее ошейник со стразами. – Шерсть лоснится и блестит, как шелк, а запах какой? С ума сойти».

– Хозяин ударил. Да нет, не туда, по морде!

– Извини, привычка. За что? – обошел он незнакомку и преданно посмотрел ей в глаза.

– Мужчина подошел, дал конфету, погладил по голове, я

взяла. Это его и выбесило, я имею в виду хозяина, – начала плакаться в шерстяную жилетку Шарика Муха.

– Какому мужчине понравится, если ты берешь у другого. Понятное дело – ревнует.

– А он был такой галантный! Я имею в виду того мужчину.

– Не плачь, тушь течет, – стал языком зализывать ее горе Шарик.

– Правда?

– Я уже слизнул.

– Спасибо.

– Вообще-то спорить я не люблю.

– Это хорошо.

– Но могу укусить. – Хочешь, я ему отомщу, цапну его за одно место.

– Вы такой смелый. Как вас зовут?

– Шарик. Можно сразу на «ты». А то от «вы» мне хочется быть.

– А меня Герда Шейх Брут.

– Надо бы записать, сразу не запомнить.

– Можно просто Герда. Я хочу убежать из дома куда глаза глядят, – задрала она свой носик вверх.

– Тогда бежим!

– Так просто?

– Да. Просто беги рядом.

– Как прекрасно почувствовать себя свободной: куда хочешь, туда бежишь, и с кем хочешь. Ты так быстро бежишь,

Шарик! Ты, наверное, такой сильный!

– Так меня ноги кормят, – не смотрел под них Шарик, и только ветер поглаживал его внезапные уши, которые ловили каждый вдох и каждый выдох Герды, с приторной осторожностью, чтобы не загнать ее этим счастливым галопом.

– Это твоя работа?

– Это мое хобби: бежать, когда рядом вдоль дороги, не останавливаясь, чешет природа. Она – часть моей скуки, хотя и прекрасной.

– А я?

– А ты другая, ты лучше. Будь у тебя зеркальце заднего вида, ты бы знала, насколько прекрасны твои ландшафты.

– Мои уже устали, и кормит меня хозяин. Шарик, разве у тебя нет машины? Хозяин всегда на машине меня возил.

– Откуда? У меня и дома-то нет.

– Ты, наверное, бездомный?

– Наверное, – сбавил он темп, заметив, что незнакомка начала отставать.

– Я слышала про таких.

– Про меня всякое говорят.

– Тогда куда мы бежим? Я-то думала, что к тебе.

– Нет, я же говорил, бежим просто так, я всегда бегаю, когда делать нечего.

– Ты, наверное, легкоатлет?

– Да нет, у меня даже формы нет. Есть уже охота... Может, поедим, я знаю здесь одну замечательную помойку.

– После шести я не ем.

– Фигура? – бросил на нее многозначительный взгляд Шарик. – Понимаю, хочешь помочиться?

– Нет.

– Я тоже не хочу, но надо, подожди немного, я быстро.

– Ты такой бескомпромиссный, Шарик.

– Я такой, – отклонился он от курса.

– Черт, я совсем забыла, что ко мне парикмахер должен прийти в восемь.

– А как же свобода? – догнал ее Шарик, окропив столб.

– Может, в следующий раз? Свобода от нас никуда не денется.

– Хорошо, тогда я тебя провожу.

– Ты такой любезный.

– Вы прекрасны. – Долго думал Шарик, с чего начать, и перешел обратно на «вы», чтобы казаться как можно дипломатичнее. – Могли бы мы... как вам сказать поизящнее? Тра-ли-вали.

– Вы имеете в виду шпили-вили? – перевела его мысли Герда.

– Да! – обрадовался он. Он еще никогда не встречал таких умных баб. – Как вы точно подметили.

– Проходила уже, – вздохнула она.

– И что? – включил все свое обаяние Шарик, наклонив голову вбок на тридцать градусов. Он всегда так делал, когда не хватало слов.

– Ни шатко, ни валко! Сами знаете, потом будут чувства, а вам трын-трава. Не хочу...

– Как же быть?

– Будьте смелее, предложите мне жили-были.

«Что я ей, породистой сучке, могу предложить? – вернул голову на место Шарик. – После свадьбы медовый месяц в палатке, в страницах березовой пуши, в жидком кристалле лесного озера. Где он наловил свежей рыбы, а она сварила, вечером у костра поели ухи, если у нее нет аллергии на рыбу. Они смотрели на звезды, их покусывали комары, они обходились без слов, без нежных шаблонов, целовались, губами пропахла рыба, и листвой перешептывалась природа: «Вот это любовь у людей – клёвая».

– Завтра погуляем? – не нашел он более дельного предложения.

– Скорее всего. Где я тебя найду? – лизнула его на прощание Герда и понеслась к подъезду.

– Во дворе. Кто не знает Шарика! – крикнул ей Шарик вдогонку. И побрел передохнуть к ближайшей скамейке, где трескали семечками старухи.

– Жизнь прошла без оргазма, – одна бабка другой, громко перегрызая горло семечке. – Не могу понять, почему так случилось? Комсомол, муж, работа, дети, завод, жизнь прошла на одной заводке, другие мужчины... – сбросила она шелуху с подола, – ...не интересовали. Как-то было не до него, не до оргазма, будто я пыталась найти его в чем-то другом.

Ее соседка по скамейке, затягивая потуже платок, про-
шамкала металло-керамикой:

– Природа совсем не глупа, и нельзя заменить то, что вы-
страдано тысячелетиями, миллионными постелями лет на-
слаждения. Словно розы – они с шипами.

– Опять стихами заговорила. Кто с шипами? Постели?

– Ты чем меня слушаешь? Наслаждения. В твоём случае
виноват политический строй, элементарно тебе было неко-
гда, некоторые должны подготовить почву, чтобы избранные
оргазмивали, – посмотрела она почему-то прямо на Ша-
рика. Шарик смутился и закрыл глаза, притворившись спя-
щим.

Совесть не давала покоя до тех пор, пока я не взял трубку и не позвонил коту:

– Блин, чувак, извини, что я тебя утром ногой. – Вспомнил, как сегодня, опаздывая на работу, в одних трусах, посреди коридора, гладил брюки. А под ногами, играя на нервах, путался Том. Я долго его терпел, пока не поддел под живот правой, отфутболил роскошным пасом прямо жене в ноги. Та вскрикнула и набросилась на меня, типа я тут второстепенный, вот животное это другое дело – беззащитное. И пошло-поехало. Из искры возгорается женщина: манипулируя утюгом раскаленным, я прорычал:

– Тварь шерстяная...

– Ты мне, – перебила меня жена.

– Дай мне сказать... – Неужели она способна испортить то, что нажито было между нами годами?!

Жена промолчала, взяла Тома под мышку, и их смыло в соседнюю комнату, а меня на работу.

– А я все думал, позвонишь, не позвонишь, нужно ли принимать меры... Портить тебе обувь или не стоит...

«Я тебе испорчу!» – подумал я про себя и с чувством исполненного долга взял со стола свежий журнал.

– Не скучай, скоро приду. Принесу что-нибудь вкусное.

– Все равно это не любовь. Нет ее.

– Как нет? Смотри, сколько ее кругом валяется, – листал я журнал. – Окон губы жуют огоньки, обнаженные ноги витрины, глаза, волосы, рты, смешанные в порыве, люди не больше не меньше проститутки любви и пьяницы.

– Люди – это конченные психотики, они хотят, они требуют, чтобы их любили: рвали для них букетами звезды, глотали золотые шпаги соборов, застилали постелей пляжи с одеялами моря, признаниями набивали тумбочки, – обошел меня в красноречии Том и добавил: – Только не надо путать людей и кошек.

– А у кошек разве не так?

– Да, по-другому. Бескорыстно!

– Ладно, успокойся, Том, если тебе моей любви мало, город ждет тебя, здесь есть кого полюбить, есть кого сделать поклонницей. Главное – чувствовать себя явлением, даже среди запаха плесени, октября, холода, дрожи, холерики, надо только набраться смелости.

– Так это на улице! Ты же меня туда не пускаешь.

– Тебе нельзя на улицу – пропадешь. В смысле засосет красивая жизнь. Потом будешь приходить пьяный от счастья, только по утрам, только пожрать, не один.

* * *

Мне все еще нужен был проводник. Я нашел в телефоне Машу, или Муху, как звали ее за летящую походку. Честно

говоря, я давно хотел это сделать, но руки не доходили, хотя телефон, пусть и отключенный, всегда лежал ближе некуда, скорее всего, именно лежащая между нами близость и не позволяла сделать этот шаг. «Что я ей скажу? У тебя есть время на мое бремя?» А можно было прийти к ней домой, застать ее врасплох, ее халатик, ее прическу, которую она бросится поправлять вслед за халатом, застать врасплох ее мужчину, его майку, которую он долго будет искать, ее квартиру, которая застынет в недоумении, их вещи, нажитые в совместном жилье: «Здрасьте, здрастьте, цветы заказывали? Нет? А яблоки? Сдайте хотя бы комнату». «Какие цветы? – переведет он взгляд с меня на Муху. – Какие яблоки?» – «Семеренко». – «Семеренко?» – наконец, удастся ему натянуть майку, на которой сразу вылезет бельмом пятно от зубной пасты; он попытается стряхнуть его, потом оставит бесполезное занятие и вспомнит про комнату: «Какая комната?» – «Из которой нельзя выходить». – «Что за комната, не понимаю». – «Скоро узнаете», – вручу я цветы Мухе, развернусь и пойду прочь. Она понюхает подснежники по инерции и оставит себе.

Ждала ли она этого шага? С одной стороны, да, возможно, нет, между тем как загрузить в стиральную машинку грязное белье и проверить домашнее задание своих оболтусов. С другой, этот шаг, как нога, которая встанет на пороге, и она уже не сможет закрыть просто так дверь, пока не поговорит с его душой, пока не уговорит свою, чтобы та ненаро-

ком не бросилась к Шарлю на шею, как это было в последний раз. Он позвонил поздно, но слова его были настолько теплыми, что даже снег во дворе растаял. «Весна!» Голос его все еще бродил по ее телу. От звонка потекло даже на улице. Сначала она держалась. Сначала она строила из себя холодную неприступную стену с одной целью – чтобы он разобрал ее как можно быстрее... на груди больших и маленьких удовольствий. Она плюхнулась на кровать, глаза ее плюхнулись в веки и оставили после себя круги проблем, те расходились далеко за пределы лица, кровати, дома. «Пока!» не растворились совсем.

Пока я разговаривал, я смотрел в небо, с некоторыми получается смотреть только в землю, а вот с ней – в небо. Я видел, как от стены неба отошел кусок обоев. Облако двигалось к Неве. Я видел, как она, разговаривая со мной, смотрит на кусок своих обоев, который начал отходить от стены. Никому не нужны стены, даже обоям. «Нам обоим не нужны были стены. Надо бы поменять обои, а может, сразу квартиру, город, страну? Может быть, но мы вместо этого поменяли друг друга. Цвет обоев, цвет обоих тоже никуда не годился. Выцвел. То ли дело раньше – румянец. Теперь он возникал только от стыда или гнева». С чем это можно было сравнить? Разве что с детством, у детства были яркие черты лица. Хотя на том бесшабашном отрезке времени никто об этом не думал, именно яркость пережитых впечатлений создает настройки того, какой должна быть контрастность се-

годня, чтобы не поблекли краски жизни. Только для этого нужен был щадящий режим стирки. Но чувства – разве они способны щадить?

Стиральная машина колотилась, словно сердце в ее груди.

* * *

– Спасибо, Муха, накормила от пуза. Может, пойдем на асфальте полежим, вроде прогрелся уже, помечтаем.

– А тебе разве на работу не надо?

– Нет, я уволился. Надоела мне эта жизнь бродячая, да и дрессировщик тоже. Шарика за сахар не купишь, пусть поищет себе другого дурака! В общем, откусил я ему эту руку, которая меня кормила, так и бежал потом без оглядки: в зубах рука, в руке сахар.

– Отчаянный ты, Шарик, хотя правильно, пусть люди работают, им за это платят.

– Вот ты мне объясни, Муха, – завелся Шарик. – Неужели так трудно научиться доставать из кармана сахар?

– Конечно, Шарик. Это же его сахар.

– Знаешь, в чем его ошибка, да и других тоже? Им кажется, что это они нас дрессируют. На самом-то деле это мне приходится выполнять кульбиты, чтобы он просто протянул руку с куском рафинада.

Муха зашуршала в углу конуры и достала из тайника кусок сахара:

– На, Шарик, успокойся.

– Спасибо, добрая душа.

– Скажи еще, что я лучше поддаюсь дрессировке, чем люди, – рассмеялась веселым лаем Муха. – Пойдем лучше в парк. День обещает быть жарким, а там тени.

– С тобой хоть на край света, – проглотил рафинад Шарик. – Но по-моему, там ремонт, – почесал он задней правой свои худые ребра.

– Тем лучше, народу меньше.

– Тогда догоняй, – рванул он из конуры на волю.

– С тобой бежать одно удовольствие, – трусила рядом с Шариком Муха по направлению к парку.

– А лежать – другое?

– Ой, и не говори.

– Сколько же здесь столбов, этак у меня на всех не хватит.

– Ладно, тебе ли жаловаться. Куда думаешь теперь податься?

– Собираюсь на границу пойти служить, если пройду медкомиссию.

– Может, лучше сразу за?

– А там видно будет.

– Ты, кстати, слышал, тут конкурс объявили в отряды космонавтов.

– Нет еще, а где это?

– Здесь рядом, в клубе «Собака вдруг человека» кастинг проводят.

– Ты уже сбегала?

– Завтра собираюсь. Хочешь, побежим вместе?

– Не знаю, в космос меня что-то не тянет, темно там и скучно. Кроме звезд ни одной живой души. А мне же общение нужно, – прошмыгнул сквозь прутья железной ограды Шарик и затем галантно помог это сделать Мухе.

На парке не было лица... Он действительно был в ремонте. Его прическа, взъерошенная рытвинами и канавами, лишний раз напоминала о беспорядке внутри. Людей почти не было, только воронье кружилось вверху, покашливая. Оно уже вывело птенцов и теперь учило их летать. Шарик с Мухой припарковались рядом, молодые, счастливые: его мужество отливало сиренью, ее женственность отсвечивала одуванчиками.

– Шарик, у меня к тебе только один вопрос: что в отношениях, на твой взгляд, является главным?

– Нежность, – перевернулся на спину Шарик и закрыл глаза солнцу.

– Да, женщина – душа, что ищет удовольствие телом, – согласилась Муха, погладив себя лапой по пузу. – Это, пожалуй, самое важное, больше всего не люблю, когда грубо и сразу в душу... Черт! Вот, что я говорила, – начала стряхивать с себя что-то Муха. – Отложила мне прямо на голову, как будто хотела засрать мой мозг.

«Если бы не его отсутствие», – подумал про себя Шарик и добавил вслух:

– Хорошо, что ты оставила его дома.

– Смешно тебе, – терлась о траву пузом Муха.

– Вообще, это считается хорошей приметой.

– Вряд ли ты хотел бы оказаться на моем месте, – все еще избавлялась от следов чужих экскрементов Муха. – Отомстил бы за даму, – досталось и Шарiku за равнодушие.

Шарик лениво встал на лапы и так же лениво кинулся лаять на ворону, которая спустилась с небес и, посмеиваясь, вышагивала рядом. Как только Шарик пересек воображаемую границу безопасности, она вспорхнула и крикнула ему что-то сверху.

Вскоре парочка забыла об инциденте, продолжая валяться в тени жарких лучей солнца, не обращая внимания, что кусок природы был на ремонте. Деревья выражали чувства, шелестя листвою. Недалеко от них за решеткой сидел Чернышевский, грустный, с вечным вопросом «Что делать?». Он еще не знал, что ему дали пожизненное. Но несмотря на это, ему крупно повезло, некоторые отбывают срок стоя. Редкие прохожие не обращали на это внимания, как и на Муху с Шариком. Кто-то шел по своим делам, иные убивали безделье. Шарик наблюдал за молодым человеком, который чудом здесь встретил старого приятеля, изо рта у обоих воняло лестью: они обменялись ею по поводу внешнего вида.

– Какие любезные, – восхищалась Муха.

– Плевал я на любезность. Даже парк пытался меняться, а люди нет и в жару ходят в масках, – прокомментировал

Шарик.

– Успокойся, – жмурилась от удовольствия Муха. – Внешний мир настолько разнообразен, насколько ограничен внутренний.

– Ты за этим в космос собираешься?

– Да, я все время мысленно общаюсь со звездами по ночам. Посылаю им сигналы, только отсюда их не достать.

– Зачем тебе звезды? Они же тупые, у них кроме яркости ничего не осталось.

– А я бы хотела к ним поближе. Только конкурс, говорят, сложный. По подиуму надо пройти. Сколько ни пробовала, все на бег перехожу.

– У тебя фигура хорошая, должны взять.

– Там творческие нужны. Которые умеют создавать атмосферу. Там же ее нет.

– Не смейся. Знаю я эти кастинги. Твой-то как, отпустит тебя в космос?

– Ты про Бобика? Прогнала я его, свободная теперь сука. Как он меня достал! Ни денег, ни внимания, собачились постоянно.

– Вот как? А кем он работал?

– В метро стоял с одним хмырем. Точка у них там, частное предприятие «Пятая нога». Может, видел, они с табличками и с ведрами в зубах на жалость дают.

– Вроде денежное место – метро. Но там тоже конкуренция, каждый со своим отверстием для денег.

– Да, если бы не поезда... Он как поезд увидит, так и срыгается. Издержки воспитания, у него же родители всю жизнь на цепи просидели. Уволили как профнепригодного.

– Тяжело расходились?

– Я до сих пор не знаю, что со мной происходит в этой жизни, я не нахожу себе места.

– Да, место – это важно. Говорил тебе – ищи мужика с квартирой. Так ты теперь одна живешь?

– С сыном.

– Не скучно?

– Некогда, щенок весь в папашу, тоже все на приключения тянет. Связался с каким-то ультраправым движением, вот и митингуют у НИИ им. Павлова за свободу условных рефлексов. Боюсь я, как бы его туда не забрали. Может, ты с ним поговоришь, Шарик?

– Посмотрим. Посмотрим что-нибудь вечером?

– Вечером у меня курсы. Я же на английский записалась.

– Зачем тебе английский?

– С инопланетянами общаться.

– Думаешь, они знают этот масонский язык? Лучше научись показывать зубы, сейчас это важнее. Фрейда читала?

– Нет, а кто это?

– Был такой ученый, типа Павлова. Только второй был практиком и все больше с собачками, а этот – теоретик и с людьми. Так вот он до того сублимировал человеческое бытие, что свел его к трем желаниям: секс, еда и сон.

– Умный ты, Шарик, трудно с тобой.

– С умными – трудно, с глупыми – скучно. С кем же ты хочешь быть, женщина?

– С Фрейдом, наверное, хотела бы. Вон как он все упростил: еда, секс, сон – вот оно, счастье, зачем его усложнять.

– Секса у нас уже не будет, потому что мы теперь друзья, еды нет. Пospим? – логически заключил Шарик.

* * *

Солнцем выбило окна, орали как сумасшедшие птицы. Я на кухне, в руках у меня бутерброд: жую то, что еще беспокоит, проглатываю то, что уже случилось. Входит кот, неразговорчивый, мартовский. Ему не до смеха: кошек нет, мыши оптические, только еда мышиного цвета, а хотелось, возможно, в горошек или хотя бы в клетку. Мы молча завтракаем, аромат одиночества.

– Чего ты такой недовольный? Может, соли в еде не хватает?

– Не соли. Жертвы вот чего не хватает в жизни, если ты хищник. А я в душе своей хищник, – начал вылизывать шерсть на груди.

– А я, по-твоему, жертва?

– Да, тебе не хватает хищницы. Так всегда – разведешься, а потом скучаешь, места себе не находишь.

– Ты-то откуда узнал, что я скучаю? – посмотрел я испы-

тующе на кота.

– Ты с утра наступил мне на хвост.

– Что же ты молчал?

– Из чувства такта.

– Извини, вышло случайно. Но в целом ты прав.

– А в частном?

– Частная жизнь моя не настолько разнообразна, – доел я свой бутерброд и посмотрел на кота.

Он кинул мне в ответ два своих изумруда.

– Хочешь поговорить? Валяй! – Ловким прыжком кот забрался мне на колени.

– Том, ты когда-нибудь убивал?

– Только мышей, и то заводных, – стащил он со стола кусок сыра.

– А ты?

– Я все время пытаюсь убить время, – посмотрел я на кулонные часы, которые тихо показывали, что идут, но до сих пор еще не ушли.

– За что?

– За то, что уходит.

– Значит, ты ему просто не нравишься. Ты действительно хочешь его прикончить?

– Иногда очень сильно.

– Подумай, потом надо будет оправдываться, объяснять, куда ты дел его труп, заметать следы. Тебе это надо?

– Откуда я знаю. Ладно, зайду с другой стороны: ты бо-

ишься смерти? Говорят, что если человек не выполнил миссию, то, зачем он родился, то ему умирать очень страшно.

– Как утро, однако, не задалось, – взял еще сыра кот. – Таким вопросом можно и убить ненароком. Не, я ее не боюсь, если с хозяином жизни нет никакой, то и смерти должно быть нет.

– Тебе здесь плохо живется?

– Я требую трехразовое питание, женщин, два раза в год море... Шутка. В раю, возможно, живется комфортней, но не хотел бы, не думаю, что там есть интересные люди.

– Интересные все в аду.

– Или все еще живы, – лизнул он мою руку.

* * *

У памятника Достоевскому юноша с белыми листочками в руке то сворачивал их и, подняв руку над собой, начинал стучаться в атмосферу, то вновь разворачивал, пытаясь объяснить, зачем пожаловал, – сразу было видно, что весенний белый букетик собран из собственных стихов:

Жизнь и смерть

Две женщины

Одна из них тебе уже дала

Другая обязательно даст

Когда первая разлюбит окончательно

И скажет
– Хватит дорогой
Не надо меня обманывать
Чувак
Пошел вон!
Тебя ждет эта с... – смерть
Она звонила
Спрашивала к телефону твою душу
Но ты еще будешь сомневаться
И умолять
Чтобы тебя взяли обратно
Пусть без любви
Но к жизни
Ж... которой ты уже изучил
Ее геморрой
Дома на работе на отдыхе
Глядишь тебя еще приютят на время
В палате для бывших любовников
Но все чаще ты будешь задумываться
О новой своей подруге
Которая тр...нет в самое сердце
О сексе со смертью никому
Мечтать не приходится
Но как знать
Ведь именно она делает
Многих мужчинами
Посмертно награждая бессмертием

После такого классику ничего не оставалось, как закрыть-

ся и уйти в себя; он закинул одну ногу на другую и задумчиво склонил тяжелую мраморную голову. Он смотрел на гвоздики, что лежали на его коленях. «Студент, бери цветы и уходи, а то сделаю персонажем». Посмотрев на Достоевского, я снова вспомнил старуху с ее комнатой.

* * *

– Привет, Кама! Как ты? Может, займемся? – кричал он как умалишенный той, что гуляла на ошейнике рядом с человеком по зеленому пододеяльнику парка.

– А, Шарик!

– Ты что, человека завела?

– Это не человек, настоящее животное!

– Так займемся или я побежал?

– Да подожди ты! Этот никуда от себя не отпускает, но я попробую с ним договориться, иногда мне это удавалось, – пала, заискивая, в ноги хозяина Кара, убедительно причесывая хвостом землю.

Тот потрепал ее загривок и отстегнул ошейник.

– Умеешь же ты с мужиками общаться, – подбежал к ней и принялся, как к старому коньяку, Шарик.

– Да, им много не надо: сначала дозу стервозности, потом чуточку ласки, а дальше проси все, что хочешь. Так и чередуешь, – лизнула Кара Шарика в самое ухо.

– А если надоест? – уловил Шарик звуки дорогого шам-

пуня от ее шкурки.

– Темп надо периодически менять, – рванула она от Шарика.

«Как же интересно с умными бабами, но брать все равно хочется красивых», – подумал про себя Шарик, догоняя самку.

– Мне кажется, что я и внешне ничего, – угадала его мысли Кара.

– Ты шикарна, я давно таких не встречал, – повалил ее на землю Шарик.

– А ты вообще с кем-нибудь встречаешься, у тебя есть подруга? – лежа на спине, отмахивалась она от его придаточных предложений.

– Есть, я к ней пожрать хожу. Она добрая, но в ней слишком этого, – ткнулся ей мордой в грудь Шарик.

– Быта? – раздухарилась от любовной борьбы Кара.

– Да, ты такая умная, я не думал, что ум может возбуждать, – легонько прикусил зубами ее молодую плоскую грудь Шарик и подумал: «Ничто так не поднимает настроения женщинам, как дурные вести о других».

– Это тебе тестостерон бьет в голову, – улыбнулась новым ощущениям его бывшая любовь. – Каким чертом тебя сегодня принесло?

– Когда одиноко, все бегут к бывшим. Давай уже любить друг друга, крошка, – помог подняться суке Шарик. – Я же вижу, как ты соскучилась.

– А что, есть повод? – отряхивалась Кара.

– Разве для секса нужен повод? – закинул он лапы ей на спину. Кара замолчала и себе на радость сдалась.

* * *

На работе было скучно, и я позвонил коту:

– Привет, как ты? Не разбудил?

– Да, нет, сериал смотрю «Про котов и кошек».

На экране перед Томом две кошки сидели под домом, точнее, кот один, вторая кошка.

– *В кино пойдем сегодня?* – он махнул хвостом.

– *Там людно.*

– *Может, в бар?* – махнул в другую сторону, словно фразы болтались у него на хвосте.

– *Там душно.*

– *Как истинная кошка, гуляете здесь ночью сами по себе, – не знал, что еще предложить, кот, – и не хотите ничего.*

– *Ну почему же, может, мне давно хотелось бы по вам.*

– *Да?* – еще больше смутился кот и, не зная о чем дальше говорить, ляпнул: – *А вы не замужем?*

– *Нет, еще не пришлось.*

– *Вот и славно, давайте жить слитно.*

– *У вас серьезные планы?* – провела она мягко своим белым хвостом по его длинным усам.

– Да, влюбился с первого «мяу».

– Вы рискуете. Знаете, у меня полно недостатков: я царапаюсь, я в экстазе кричу, я с касания заводжусь.

– Вот и славно, вот и славно, – запрыгал от радости кот, – я давно мечтал о блондинке.

– Интересный?

– Ну как тебе сказать, не напряжный, чтобы поспать. Знаешь, засыпаешь за телевизором, просыпаешься, а там те же голоса, те же лица, тот же мотив, снова засыпаешь. Я люблю так фильмы смотреть.

– По-моему, ты так же за моей жизнью наблюдаешь?

– Ага, надо признать, что твоя жизнь мало чем отличается.

– Что ты сегодня такой злой, – дунул я в ухо коту.

– Я не злой, я правдивый, – стряхнул он головой мою добродетель. – А правда она всегда злая.

– Давно тебя собаки не гоняли.

– А что мне собаки? Собак я, конечно, люблю меньше, чем кошек, но тоже к ним равнодушен.

– Да ладно? – не поверил я.

– Серьезно, – окончательно проснулся Том, – так как с людьми у них много общего: собачья жизнь. Не твое собачье дело! (Даже если у тебя есть дело, даже если свое.) Все твари на четырех ногах вызывают умиление, но собаки особенно. Ее всегда много. Даже самой маленькой, она занимает большую часть пространства.

– В этом ты прав, Том.

– И каждого нового гостя хочет... если не покусать, то пригласить на половой акт. Помнишь, как танцевала танго с твоей ногой одна, что приходила с Петровыми?

– Нашел что вспомнить. Я им сказал, чтобы впредь свою похотливую тварь случили с кем-нибудь. Бедное животное.

– Только не нравится мне, как они все время шарятся по углам, ищут то ли жратву, то ли внимание к себе, а когда находят, начинают вилять хвостом и улыбаться. Противно.

– Зато как друзья они хороши, – заступился я за собак. – Правда, как и со всякими друзьями – с ними надо гулять.

– Ага, иначе обидятся и насрут на ковер, на паркет, в душу.

– Мне кажется, кошки больше на это способны.

– Не все же получили достаточно воспитания.

– А собаки? У них же в крови эта верность!

– Ну да! Пока не увидят суку на горизонте или кота. А с первыми также неприхотливы и неразборчивы. Впрочем,

как и мы, как и люди. Больше всего мне нравится в них отсутствие комплексов: где приспичило, там и отлил, где устал, там и уснул.

– Ладно, кот, что-то заболтался я с тобой, а мне еще ра-
ботать. Давай, до вечера.

– Ага, я тоже пойду отолю.

* * *

Студента заменила девушка, она, еще не начав читать, все время поправляла красный шарф, будто хотела смахнуть кровь, сочившуюся из ее шеи. Вид у нее был настолько тра-
гичным, но стихотворение оказалось, как ни странно, пози-
тивным. Голос тонкий, как шея, он дрожал на ветру. Девуш-
ку по-весеннему знобило:

Весны в глаза закапать
и так ходить,
балдеть,
любить
подснежники,
архитектуру,
лужи,
грязь не замечать
и талый снег,
что съежился в недорогоценный камень,
воспринимать как скуку,

которая вот-вот уйдет,
природу
женскую
случайно заморозив,
суку,
последняя вскочила
навстречу солнцу,
почуяв ветер перемен,
уже бежит
на выстроенных из капрона
умопомрачительных ногах
к мужчине,
от которого несет ее мечтами.

* * *

На пешеходном переходе взгляд его уткнулся в туфли. Те блестели глянцем и слепили глаза даже с плаката. Поднял глаза и прочел: «Выбор всегда есть – навеки ваш, Президент. Голос...» Шарик рывкнул на автомате. «Атавизмы», – выругался он про себя, поежился и стал оглядываться, извиняясь перед случайными свидетелями. Плакат, видимо, еще прошлогодний, и «Голос» получился из призыва «Голосуйте...», теперь же окончание глагола залепило объявление: «Маша. Круглосуточно», и указан телефон. Сразу видно – вернулся на родину. Выбор никогда не был легким предпри-

ятием. Кому отдать свой голос, чтобы не потерять его. Выбор уже был сделан. Некоторое время я жил без политики, отошел от нее, и жить стало как-то легче. Президенты в разных странах мало чем отличались: один срок уже отсидел, теперь второй, как ни крути, где ни сиди, все равно срок, все равно клетка, хоть и золотая. При всей своей любви к свободе понять такое было сложно, потому что работа тяжелая. Я бы не пошел. Но с другой стороны – президент, сидящий впереди всех. Значит, даже не в партере, а на сцене. На самом деле президентов у Земли трое, у одного больше всего земли, у другого – денег, у третьего – рабочих. Но в процессе грядущего великого потопа обладание землей становится первостепенным. Отсюда весь сыр-бор. Все хотят быть президентами Земли, звучит галактически. Видимо, это и подкупает – размах.

– Рядом! – скомандовала тебе родина, – смеялась мне в трубку Муха. – Будь честнее. Это только мы придумываем себе – ностальгия, грусть, тоска, на самом деле мы постоянно получаем команды: Рядом! Голос! Апорт! Взять! Фу! – и в конце концов их исполняем. То же самое касается и работы, и отношений.

– Проводила мужа до двери. Целоваться не хотелось, но она сделала это на автомате. Порой женщине просто необходимо иметь при себе оружие, чтобы отмести лишние вопросы. Не вызывать подозрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.